

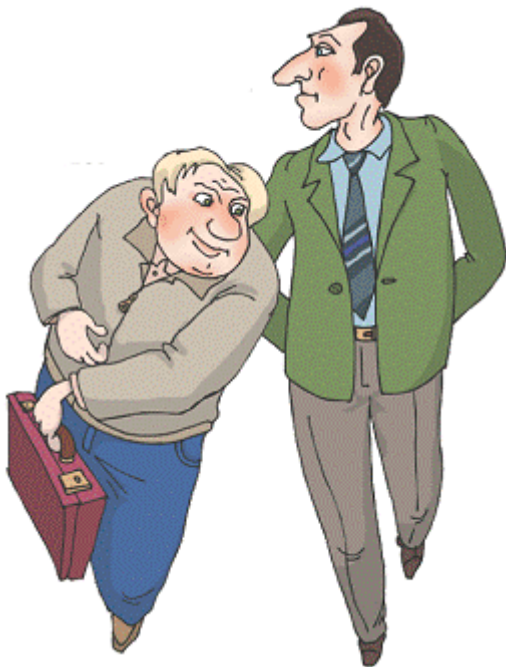
Сергей Шапурко ДВА МИЛЛИОНА

Родился в Туапсе. Учился, служил в армии, опять учился и влюбился. Влюбился в литературу. Так и продолжаю жить с этим захватывающим чувством в душе. Сейчас живу в Новороссийске, работаю стармехом на буксире и постоянно что-то пишу. Печатался в «Крокодиле», «Колесе смеха» и местных газетах.

*С уважением, Сергей
Шапурко*

Два миллиона

Середина 90-х годов двадцатого столетия. Владелец фирмы «Траст» Джон Джериксон вынужден из сытой Америки ехать в Россию, чтобы разыскать Ивана Соскачев, своего партнера по бизнесу, который, по всей видимости, «кинул» американца на

немалые деньги. С собой Джон берет своего помощника Энтони Роумена, знающего русский язык.

Прибыв в Москву, янки попадают в сложную ситуацию. Постперестроечная Россия производит неизгладимое впечатление. Новые обстоятельства их жизни настолько сильны, что волей-неволей под них приходится подстраиваться.

Американцам предстоит испытать много увлекательных приключений, встретить колоритных людей и узнать Матушку-Россию, как говорится, изнутри.

Глава 1

Бостон цвел и пах. «Колыбель Американской революции», как называют его в стране пепси-колы и Голливуда, с головой погрузилась в весну 95-го года.

Горожане без опаски вверяли свои легкие пылкому апрельскому воздуху. Желтое солнце светило настолько ярко, что всем прохожим, за исключением китайцев, приходилось щурить глаза. Оживились продавцы мороженого. Владельцы

летних кафе расставили пластиковый инвентарь на тротуарах, но еще мало кто решался доверить свои копчики пока еще холодным стульям. Дети, оккупировавшие парк Бостон-Коммон, пугали белок и закидывали хлебом голубей. Зеленые почки облепили деревья и заставили трепетать сердца студенток Гарвардского Университета, идущих по аллеям на лекции. Грязные куски сероватого снега прятались по закоулкам, о них спотыкались прохожие и весело ругались. Грозный инспектор Смит, так же попавший под влияние весны, проезжая по «черным» кварталам и наблюдая, как афроамериканцы с недоверием раскрывали окна, впуская в свои жилища потеплевший воздух, ласково проговорил:

— Тут вам не Африка, сукины дети.

Джон Джериксон, выйдя из дома, с удовольствием отметил, что акции весны резко пошли вверх, и решил не использовать автомобиль, а пройтись к своему офису пешком. Атлантик-авеню, по которой пролегал его путь, отогревалось под солнечными лучами после зимних холодов. Легкий морской бриз гонял небольшие волны по Массачусетскому заливу.

Его долговязая фигура, напоминающая башенный кран, умные глаза и слегка надменное лицо внушали уважение окружающим. Даже назойливые уличные продавцы обходили его

стороной. Джон четко, словно на плацу, печатал шаг по тротуарной плитке. Самоуверенностью веяло от него, как от пьяницы — перегаром.

Компания «Траст», владельцем которой был Джон, процветала. После провала социалистической авантюры, крушения Советского Союза и падения «железного занавеса», открылись новые огромные рынки России и ее бывших сателлитов. «Траст», торговавший бытовой техникой и электроникой, проявив расторопность, сумел втолпиться в изначально чистое поле российского потребления. Через своих русских партнеров Джериксон продал уже столько «видаков» и «теликов», что древние скифы, доживи они до наших дней, вполне могли бы сложить из них несколько могильных курганов своим вождям.

Настроение у Джона было отменное — весенний воздух бодрил не хуже утреннего кофе. Не доходя до музея-корабля «Ти пати шип», с помощью которого, собственно говоря, и затеяли знаменитое «Бостонское чаепитие», он стал свидетелем интересного зрелища. Возле тротуара стоял изрешеченный пулями и сильно помятый автобус. В нем находилось пару десятков стариков и старух с наскоро забинтованными конечностями и легкими повреждениями на лице. Все они звонили по мобильным телефонам своим адвокатам. Рядом стоял, судя по бирке на груди, помощник режиссера

и, используя рупор, уговаривал престарелых граждан покинуть салон:

— Господа! Этот автобус не подвергся атаке террористов и не попал в аварию! Таким его сделали наши специалисты. Поэтому страховые выплаты вы не получите. Пожалуйста, покиньте салон и расходитесь по своим делам.

Но пенсионеры не спешили выходить из автобуса, исковерканного для съемок, продолжая консультироваться с юристами по сотовым. Работник киноиндустрии устало поднимал рупор и начинал снова:

— Господа!..

Это происшествие рассмешило Джона. «Какие все-таки американцы предприимчивые! Увидели искореженный автобус и тут же решили использовать ситуацию в свою пользу. Есть ли еще на свете такой сообразительный народ?»

Входил Джериксон в свой офис в преотличном расположении духа.

— Хеллоу, Патриция! Как настроение? — спросил он у секретарши, пересекая границу своего кабинета, — Что нового? Есть сообщения из России?

— Доброе утро, мистер Джериксон, — томно ответила молодая женщина, — настроение у меня — лучше и быть не может. Русские прислали факс, что груз они получили. После следующей партии

товара вышлют деньги.

Патриция работала у Джона уже три месяца. Ему очень импонировало в ней то, что она ко всему относилась серьезно. К работе, к семье. Даже к сексу она относилась серьезно — изменяла мужу всего два раза: с шефом и каким-то пьяным.

— Как?! Как после следующей? Они же уже должны около двух миллионов! — настроение Джона, словно пикирующий бомбардировщик, резко пошло на снижение.

— Вызовите ко мне Энтони Роумена, — раздраженно сказал Джон.

— Он... он еще не приходил. Позвонил и предупредил, что опоздает, — слегка румянясь щеками, ответила Патриция.

— Тони ни когда не опаздывал! Что случилось?

— Знаете... Дело в том, что у него улетела крыша.

— Что?!!

— Простите, точнее — не у него, а у его дома.

Джон подозрительно посмотрел на секретаршу. Та одернула юбку и, увеличивая густоту красного цвета на щеках, продолжила:

— Видите ли, мистер Джериксон, у него большой дом в пригороде, а лето обещают жарким. Вот... И он сделал кондиционер с пропеллером от самолета. Вот... Сегодня с утра выполнил пробный

пуск и крыша вместе с кондиционером улетела в неизвестном направлении. Вот...

— А я всегда считал его неглупым человеком...

— Он и есть не глупый. Просто Тони изобретательный...

— Как появится, сразу его ко мне. А сейчас, Патриция, отправьте факс в Москву с требованием немедленно погасить долг.

— Хорошо, босс. Сейчас все сделаю, — сказала секретарша и вышла из кабинета.

Патриция была весьма красивой особой, и это обстоятельство во многом способствовало расширению деловых связей компании. Кроме того, привлекательность секретарши часто упрощало ее боссу выбор развлечений на вечер.

Да, Джериксон иногда позволял себе слегка развеяться, хотя и был весьма скуп. Он не отвечал в полной мере тем представлениям о миллионере, которые сложились у большинства жителей нашей планеты. Джон не имел каменного лица, увесистого брюшка и гаванской сигары в зубах. Он не тратил безумные деньги на красивую жизнь, не был членом гольф-клуба и не имел лимузина. Он был прижимист и непривередлив в быту. Джон несколько не стремился показать свое богатство, не видя в этом экономического обоснования. С высоты своего сорокапятилетнего жизненного опыта, он

довольно снисходительно наблюдал за забавами «новых русских» во время своих редких посещений модных курортов.

Ближе к обеду в кабинет босса заглянул подвижный русоволосый клерк с округлым дружелюбным лицом. Это был Энтони Роумен.

— Джон, прошу прощения! Экстренный случай...

— Не продолжай — мне Патриция все рассказала. Сейчас есть дела поважнее. Русские не заплатили за три последние поставки. А так как мы наращивали объемы в геометрической прогрессии, то долг дошел до астрономической суммы.

— Может просто неувязка с банковским переводом? У них сейчас только формируется устойчивая коммерческая инфраструктура.

— Не перебивай! Я с утра звоню по всем телефонам, никто не отвечает. Ситуация очень похожа на «кидалово», как говорят у них в России.

— И? — Тони вопросительно посмотрел на босса.

— Придется ехать в Россию. Ты едешь со мной. У тебя бабушка была русская, и ты знаешь их язык.

— Я?! Джон, побойся Бога! Что я там забыл, в этом огромном куске льда, по которому ползают пьяные медведи?!

— Тони, я увеличу тебе командировочные в

два раза.

— Да хоть в десять!

— В три!

— Согласен!

Жизнь в офисе закипела. Клерки с делано серьезными лицами носились с документами. Но они не будут играть в нашем дальнейшем повествовании никакой роли, и поэтому мы их не станем представлять, а просто отнесем к общей массе американских служащих.

Когда все было готово к поездке, Джон и Тони, сопровождаемые Патрицией, вышли из офиса. Там их уже ждал автомобиль, который должен был отвезти их в аэропорт.

Весна, в связи с наступлением вечера, временно свернула свою экспансию. Воздух был свеж и прохладен. Позади Джона был уютный кабинет и любимое дело, впереди — загадочная и пугающая Россия, но отступать было некуда — свои деньги он не привык отдавать просто так.

Глава 2

— Тони, ты летишь на историческую Родину. Мои поздравления, — попробовал пошутить Джон.

Тони промолчал, не совсем представляя, как ему реагировать на слова шефа.

Знакомство с Россией у владельца компании

«Траст» и его помощника сразу же началось на борту самолета, принадлежащего «Аэрофлоту». За окнами иллюминаторов еще мелькала американская земля, самолет только-только оторвался от взлетной полосы, а по салону уже шустро бегали бортпроводницы и предлагали купить матрешек. Когда искусственно созданный спрос на розовощеких деревянных баб был удовлетворен, настало время балалаек.

Джон с интересом наблюдал за разворачивающимся фронтом активных продаж и что-то даже записывал в походном блокноте.

— Учись, Тони! Хорошему торговому агенту и в воздухе найдется дело.

— Это не агенты.

— А кто же это по твоему?

— Это — стюардессы.

— Но... — Джон не успел возразить, поскольку был атакован довольно таки увесистой бортпроводницей.

Она грубым шепотом предлагала американцу настоящую русскую водку по весьма умеренной цене.

— Но алкоголь входит в цену билета! — возмутился Джон.

— Как хочешь, — женщина потеряла интерес к янки, не оправдавшему ее финансовых претензий и, отходя от него, сказала:

— Тогда будете пить чай!

Эта вполне невинная фраза прозвучала как угроза.

Торговая вакханалия продолжалась. Кульминацией стал внос чучела средних размеров медведя. Когда он имел внутри живую плоть, а не опилки и бегал по сибирским лесам, то наверняка не подозревал, что сможет добраться до заоблачных высот.

Чучело приобрел техасец в ковбойской шляпе. Медведя с трудом разместили на двух креслах рядом с ним. Техасец был очень доволен, хотя абсолютно не представлял себе, что будет делать с чучелом в Москве.

После сувенирного наезда пассажирам дали небольшую передышку.

Джон и Тони провели летучее совещание, которое не состоялось на земле, ввиду скорости отъезда.

— План прост. Адрес их офиса у нас есть. В аэропорту садимся в такси. Приезжаем. Находим директора. Выясняем причины не перевода денег. Договариваемся о сроках погашения долга. Получаем гарантии и возвращаемся в Штаты.

— И это ты называешь планом, Джон?! Плохо ты знаешь Россию.

— Я ее вообще не знаю. Но это стандартная ситуация. Что тут может пойти не так?

— Наполеон и Гитлер разрабатывали свои планы подольше, чем мы с тобой. И были очень удивлены, когда все пошло «не так». Россия, знаешь ли...

— Ну, ты сравнил! Мы никого захватывать не будем. Нам надо свое забрать!

— Свое оно было, когда лежало у тебя на складе. Сейчас же...

Умную беседу с историческими экскурсами бесцеремонно прервала улыбкой сильно накрашенная стюардесса. Она обвела томным взглядом американцев и басом спросила:

— Обедать будете?

Янки опрометчиво согласились.

В салоне началась суета. Неопытные американские пассажиры, подавляющее большинство из которых впервые использовали «Аэрофлот» в качестве помощника в перемещении на значительные расстояния, были подвергнуты пытке фиолетовыми цыплятами, синими яйцами, черствым хлебом и теплым чаем. Бортпроводница прохаживалась по проходу и, как воспитательница в детском саду, наблюдала за тем, чтобы все хорошо ели.

Когда обед с горем пополам был внедрен в изнеженные желудки жителей Америки, и суета с уборкой посуды улеглась, наступил тихий час. Фильмов не показывали, наушники с музыкой не

выдавали, газеты были почему-то на русском языке, и пассажирам не оставалось ничего другого, как сомкнуть веки и, в ожидании прилета, забыться тревожным сном.

Поспать удалось недолго. Стюардесса с блеклым лицом и помятой юбкой стала в проходе и начала проделывать манипуляции со спасательным жилетом, комментируя свои действия на плохом английском. Потом снова понесли сувениры. Предлагали их на этот раз уже более агрессивно, тихим голосом намекая на связь между их приобретением и безопасной посадкой. Матрешки худо — бедно разобрали. Балалайку всучили техасцу, ранее проявившему слабинку в деле с медведем.

Когда американцы подумали, что все круги ада уже пройдены, наступило время очередного приема пищи. На этот раз он прошел без особого сопротивления — янки поняли, что здесь, на огромной высоте, игра идет не по их правилам и сию чашу надо испить до дна.

«Не надо было экономить на билетах. Лучше бы полетели на самолете КЛИМ», — подумал Джон.

Посадка принесла ожидаемое избавление от изнурительного перелета, но нервных клеток не прибавила. Самолет, коснувшись полосы, сначала завалился на один бок, потом на другой, затем так резко затормозил, что многие вывалились из

раздолбанных кресел.

Когда подали трап, и стюардесса нехотя пригласила на выход, пассажиры ринулись на волю. Техасец тащил чучело по проходу и всем мешал.

Не успели Джон и Энтони, пройдя таможенный и пограничный контроль и войти в зал прилета Шереметьево-2, как их окружила толпа подозрительного вида мужчин. Это были бомбилы.

— Такси! Такси! В центр!

— На Арбат!

— В отель!

— В любой конец Москвы!

Водители громко кричали, забрызгивая слюной опешивших американцев. Джон нутром понял, что этой навязываемой услугой воспользоваться придется.

«В конце концов, без такси нам не обойтись».

Он выбрал из шумной толпы таксистов смирного на вид старичка и вверил свою и Тонину судьбу ему.

Дедок ловко повел отвоєванных пассажиров к своему автомобилю. Проходя быстрым шагом по тускло освещенному залу аэропорта, Джон и Тони с удивлением наблюдали за разношерстным народом, таскающим огромные баулы.

— Челноки, — перехватив взгляд американцев, сказал старик.

На стоянке такси янки ждал новый сюрприз.

Вместо ожидаемого автомобиля желтого цвета, они увидели ободранный кусок железа с кусками целлофана вместо боковых стекол.

— Что это?!! — прокричал по-русски Тони.

— Как что? — удивился удивлению американцев дед, — Такси! Садитесь быстрее, сматываться отсюда надо.

Джон категорически отказался ехать на этом корыте, которое старик называл «Москвичем».

— Ну все, не успели, — горестно сказал дед.

К нему подошли двое бритоголовых молчаливых парней с хмурыми лицами и мощными торсами.

— Ну? — вопросительно посмотрели парни на старика.

Тот обмяк и полез во внутренний карман. Братки забрали деньги и, не проявляя эмоций, проследовали дальше.

Джон, поняв, что от старика и его лоханки теперь уже точно никуда не деться, полез в машину. Тони сел туда еще раньше, когда подошли рэкетеры.

— Куда едем? — грустно спросил дедок.

Джон достал записную книжку и сказал адрес. «Москвич-412», скрипя всеми своими членами, неуклюже лавируя, выбрался из машинного моря привокзальной площади и на доступной ему скорости устремился к Москве.

Глава 3

Институт «Гражданжилпроект», созданный в далекие 50-е годы, весь социалистический период своей жизни провел в проектировании бетонных коробок, называемых в официальных документах «жилыми зданиями». Тесные «хрущобы», нерациональные «брежневки», бездарные «улучшенки» и прочие «шедевры» архитектурной мысли рождались и обретали свои очертания на белоснежных ватманах в тиши его кабинетов. Работа шла, сотрудники исправно получали премии и ни о чем, собственно говоря, не горевали. Ходили на демонстрации, горделиво неся макеты, созданных ими уродцев, по осени выезжали на картошку, подметали расположенный рядом сквер на субботниках, поздравляли с днями рождения начальство и ходили друг к другу в гости. Но социалистический рай закончился, и надо было как-то жить дальше.

Чтобы платить хоть какую-то зарплату сотрудникам и содержать здание, пришлось сдать первый этаж под расплодившиеся в мгновение ока с приходом чего-то похожего на капитализм фирмы и фирмочки. Обувная мастерская, зубоучебный кабинет, комиссионный магазин и представительство Телгатинского

металлургического завода тут же изменили неспешную ранее жизнь института.

И без того негустые ряды заказчиков проектов, напуганные шумной атмосферой заведения, стали совсем уж редкими. Руководство посовещалось, повздыхало и сдало и второй этаж. Счастливые арендаторы, с криками грузчиков и треском вносимой мебели, осваивались на местах. Поговаривали, что под шумок тут поселилась и цыганская семья.

Не успев еще привыкнуть к новым жильцам, институт подвергся наезду рэкета. Чтобы собрать деньги и откупиться от бандитов пришлось сдать и третий этаж.

Потом поочередно приходили представители налоговой инспекции, пожарники, Санэпидемнадзор и прочие люди, которые с легкостью находили недостатки и несоответствия и с еще большей легкостью их не замечали при соответствующем стимулировании.

Полезная площадь «Гражданжилпроекта» сжималась, как шагреновая кожа. Враг-арендатор был остановлен только на последнем этаже — дальше отступить было некуда, позади был кабинет директора.

К «Гражданжилпроекту» и подвез дедок на своем, отслужившем все сроки, «Москвиче» американских визитеров. Рассчитавшись с дедом,

Джон и Энтони углубились во внутрь здания. Путем опроса выяснилось, что фирма, интересовавшая приезжих, находится на пятом этаже. Лифт не работал, пришлось идти пешком.

Возле двери искомого кабинета стоял кришнаит в желтом балахоне и отрешенно бил в барабан.

— С музыкой тут нас встречают, — улыбнулся Тони.

Джон толкнул дверь и проследовал в кабинет. Тони похлопал адепта индийской религиозности по плечу и зашел вслед за шефом.

За столом сидел солидного вида мужчина в темно-синем пиджаке. Он с умным видом читал уже разгаданный кроссворд. Вошедшие посетители отвлекли его от этого невинного занятия и он, слегка нахмурившись, спросил:

— Чем могу...

— Мы хотели бы видеть мистера Соскачева, — сказал по-английски Джон.

— Иван Соскачев нужен, — перевел Тони.

— И мне нужен, — невозмутимо ответил любитель кроссвордов.

— А... а где он сейчас? — удивленно спросил Тони.

— Кто ж его знает! Россия большая, где-то в ней.

Джон, поняв смысл речей хозяина кабинета с

помощью своего клерка, вспыллил:

— Это компания «Прогресс»? Мы отослали вам несколько партий бытовой электроники. Вы нам их не оплатили! Где деньги?!!

— Дорогой товарищ! Какая электроника? Мы уже полмесяца занимаемся продажей и покупкой недвижимости. Риэлторы мы.

— Что?! Где Соскачев?! — ломая языковой барьер, закричал Джон.

— Я же ответил, не знаю! — солидный мужчина тоже вышел из себя, но тут же взял себя в руки, — бегают где-то. Как пропал в начале месяца, так мы его больше и не видели. Сейчас вот людям с жилплощадью помогаем. Вам не требуется? Имеется шикарная «двушка» на Большой Грузинской. Не желаете посмотреть?

— Вы кто?!! — разгневанно спросил Джон.

— Я-то? Петр Савельевич Смирницкий, новый генеральный директор.

Петр Савельевич в недалеком прошлом был освобожденным секретарем парткома крупного завода, и сбить его с толку было не просто. Он был непревзойденным мастером закулисных битв, чемпионом «подковерной» борьбы. Прославился в определенных кругах тем, что как-то, в партийном экстазе, исключил из партии сам себя. Это случилось, когда тучи над его головой очень уж сгустились. Когда же небо над ним вновь стало

чистым, он, без лишнего шума, сам себя восстановил в партии.

— Пойдите, если вы — генеральный директор, то нам без разницы, где сейчас находится Соскачев. Пусть фирма выплатит нам долг, — сказал Тони.

— Какая фирма? Вам должен «Прогресс», а наша компания носит название «Прогресс плюс». К нам у вас претензии есть? — мило улыбаясь, спросил Петр Савельевич.

Американцам крыть было нечем.

— Может, чаю желаете? — не переставая улыбаться, спросил генеральный директор.

— Какой там чай?! — грубо ответил Тони, — пойдем Джон. Тут, видимо, делать уже нечего.

Американцы направились к выходу. Смирницкий любезно проводил их до двери.

— Кстати, Иван Никанорович не пустой пропал. Деньги-то со счета он снять успел... — на прощанье сказал Петр Савельевич.

Выйдя на улицу, гости из-за океана решили поймать такси. Тони поднял руку. Остановилась машина «Скорой помощи». Тони с удивлением посмотрел по сторонам. Пострадавшего рядом не было. Шофер, в свою очередь, удивленно смотрел на Тони и Джона. Прервал взаимное замешательство водитель:

— Ну и что стоим? Ехать будем?

— Куда? Мы, вроде бы, здоровы, — неуверенно ответил Тони.

— Куда скажете, туда и поедем. Еще и по льготному тарифу. Давай, садись, стоять мне тут нельзя.

Джон и Тони, поражаясь широким возможностям общественного транспорта, залезли в заднюю часть машины, где находились санитары и тяжелобольной на носилках и под капельницей. Место для них нашлось, хотя и было тесновато. Шофер открыл оконце, соединяющее кабину с салоном, и спросил:

— Едем-то куда?

— В гостиницу.

— Какую?

— Приличную.

Глава 4

На этот раз с такси американцам повезло больше, — «Скорая помощь», включив сирену, быстро мчалась по улицам. За стеклами мелькала столица. Она, как и вся страна, жила тревожной жизнью. Войска завязли в Чечне, экономику лихорадило, организованная преступность везде чувствовала себя хозяйкой, «желтая» пресса запугивала и без того находящихся в депрессии людей.

И, как следствие, Москва 90-х не радовала глаз. Она, как потерявшая надежду найти жениха перезрелая невеста, не баловала окружающих уходом за собой.

— Почему такая разруха? — удивился Джон, — война у них, по-моему, в 45-м году закончилась.

— Может быть, не успели все восстановить, — флегматично предположил Тони.

— За пятьдесят лет?!

— Ну, тогда, наверное, другая баталия была.

— Они же так к первобытно-общинному строю скатятся!

Врач, слегка знавший английский, зло посмотрел на иностранцев. Те, не желая попасть в историю, замолчали.

Через десять минут машина остановилась возле высокого здания.

— Интурист, — коротко сообщил водитель.

Поселиться в отеле удалось не сразу. Американские паспорта не произвели на администратора никакого впечатления. Склонить к исполнению профессионального долга работника сервиса удалось только с помощью ста долларов, врученных ему лично.

Получив ключи, Джон и Тони поднялись к себе на этаж.

Не успели новые постояльцы распаковать

чемоданы, как в дверь постучали. Не дождавшись разрешения, в номер зашел, судя по форме, швейцар. Фамилия его была Низверский, звали — Василий Михайлович. С молодости, отираясь по гостиницам, он к зрелым годам приобрел привычку, отождествляющую его с игровым автоматом — работал он только тогда, когда в боковой карман его фирменного кителя опускалась банкнота.

Михалыч встал посередине комнаты и вопросительно — просительно посмотрел на гостей столицы. Джон с удивлением, ставшим с момента посадки в самолет, его основным чувством, посмотрел на вошедшего и спросил:

— Что вам угодно?

Субъект молчал.

— Наверное, денег надо дать, — догадался, после минутной паузы, Тони. Он быстрее патрона стал понимать некоторые особенности российской жизни в переходный период.

— За что?

— По всей видимости, за последующие услуги.

— Он даже чемоданы наши к номеру не доставил! Не получит ничего!

— Лучше дать, — настаивал Тони.

Во время всего разговора Низверский молчаливо, со свойственным швейцарам достоинством, оставался на занятой изначально

позиции.

Джон чертыхнулся, и де-факто соглашаясь с мнением помощника, засунул мятую купюру в карман швейцара. Михалыч преобразился. Спина слегка согнулась, глаза засверкали, как лампочки на новогодней елке, улыбка озарила его обычно хмурое лицо. Он вежливо откашлялся и изрек:

— Чего желают господа? Есть водка не паленная. Можем и девочек организовать.

— Чего он еще хочет? — недовольно спросил Джон у Тони.

— Предлагает выпивку и проституток.

— Пусть катится ко всем чертям!

Швейцар, по интонации уловив, что аудиенция закончена, не переставая улыбаться, боком, словно краб, стал продвигаться к выходу.

— Пойдите-ка, товарищ! — у Тони возникла идея, — вы не смогли бы нам помочь в одном деле?

— Всегда рад служить! — Михалыч моментально занял позицию в центре комнаты.

— Нам надо найти одного человека.

Швейцар вновь приобрел хмурый вид и застыл на месте.

Опытный Тони взял у Джона десять долларов и положил в карман Михалыча.

— Сам найти не смогу, но у меня Митя-племянник в милиции служит капитаном. Завтра приведу.

— А если сегодня?

Михалыч застыл. Еще одна беспечная американская десятка обрела покой в бездонном кармане Низверского.

— Через час будет.

На том и порешили.

Янки успели принять душ после дальней дороги и переодеться, прежде чем в дверь вновь постучали.

— Войдите! — крикнул Тони.

На пороге появился невысокий крепыш в милицейской форме. Он внимательным взглядом осмотрел помещение и иностранцев. Затем вплотную подошел к Джону и шипящим голосом сказал:

— Предъявите документы.

— Что?!

Офицер спохватился и, выдавив из себя улыбку, сказал:

— Простите, сорвалось. Я — от Михалыча. Какие у вас проблемы?

Оправившись от первого знакомства, американцы кратко изложили суть дела. Капитан записал фамилию, имя и отчество разыскиваемого и сказал:

— Найдем мы вашего Соскачева, не сомневайтесь.

— Нам нужен только его московский адрес.

Дальше мы сами.

— Ну, как знаете, — Митя слегка склонил голову на бок и, в ожидании, замер.

Тони сообразил быстро. Джоновская десятка плавно переключалась в карман бюстителя порядка.

Капитан даже не пошелохнулся. Тони хмыкнул и взял у Джона еще денег. Только после пятой купюры Митя попрощался и вышел.

Джона все перипетии, активно начавшейся российской жизни, мягко говоря, обескуражили. Тони же, наоборот, почувствовав явное отличие от американского прагматизма, воспрянул душой.

— Джон, мы уже почти сутки не имеем в желудке ничего стоящего. Не пора ли нам поесть?

— Ты думаешь, мы здесь сможем найти подходящую еду?

— Не знаю, но и голодными оставаться глупо.

Партнеры спустились в ресторан. До вечера еще было далеко, но народу там было много.

Найдя свободный столик, американцы сели на подозрительно качающиеся стулья, покрытые вконец изодранным кожзаменителем, и осмотрелись.

Невдалеке от них гуляла компания хмурых ребят в спортивных костюмах. Они задумчиво пили водку и нехотя перебрасывались фразами. Следующий столик походил на цветник. Несколько девиц, сидевших за ним, имели настолько яркий

макияж и вызывающих расцветок наряды, что очень напоминали индейцев в боевой раскраске. Потом шел столик с людьми в деловых костюмах, которые о чем-то горячо спорили. Все остальное пространство заведения плохо просматривалось из-за плотного облака табачного дыма. Официантов видно не было.

— А как же заказать обед? — обескуражено спросил Джон у Тони. Он еще не потерял способность удивляться.

— Может быть, надо идти на кухню самому? — предположил Тони.

В ресторан зашла еще одна группа хмурых парней. Стоит ли говорить, что и они были все в спортивных костюмах.

Дальнейшие события развивались со скоростью горения пороха. Вошедшие подошли к столику «спортсменов» и стали грубо разговаривать. Тем это не понравилось, и они начали кидаться стульями. Когда стулья закончились, схватились врукопашную. Потом слышались выстрелы.

У Джона и Тони аппетит тут же пропал.

— Но...но это же бандиты! — воскликнул хозяин фирмы «Траст» и залез под стол. Там уже находился его помощник.

— Может быть, это какое-нибудь шоу? — с надеждой прошептал на ухо Тони Джон.

— Если это и шоу, то, как я понял, никто не гарантирует, что зрители доживут до его окончания, — зло пробурчал Энтони.

— Так что же мы тогда здесь делаем? Надо как-то выбираться!

— Кто бы спорил! Но как?

Перед их глазами замелькали ажурные дамские чулочки, и каблучки нервно застучали по полу. Терять такой шанс было нельзя. Американцы,

укрываясь за юбками, на четвереньках резво проскочили к выходу.

Уже в вестибюле они приняли более подобающее положение и отряхнули пыль с колен. Девушки ставшие чуть ранее для них живым щитом, стояли в стороне и хохотали.

Джон подошел к ним и выразил свою признательность. Девушки знавшие английский язык посредственно, восприняли слова Джона по-своему — они окружили его со всех сторон, повисли на его руках и облизывали ему обе щеки. Джон, к которому последние три года никто из противоположного пола, кроме секретарши, не прикасался, разволновался.

Подошедший Тони пытался его отвести в номер, но Джон уже «поплыл».

— Тони, я подойду попозже.

— Ты — босс, тебе виднее, — безразлично сказал Энтони и пошел на свой этаж.

К гостинице подъехали машины милиции и «Скорой помощи». Бандиты скрылись через кухню.

Глава 5

Проснувшись с утра от стука в дверь, Энтони с удивлением обнаружил, что кровать Джона пуста. Еще большее удивление он испытал, когда открыл дверь.

На пороге стоял основательно помятый владелец компании «Траст» в грязном костюме и с лиловым синяком под глазом. От него исходил острый запах мусорного ведра. Рядом с ним находились два сотрудника столичной милиции. Один из них, неторопливо осмотрев Тони с ног до головы, спросил:

— Вы можете подтвердить, что данный гражданин является Джоном Джериксоном?

Тони, которого твердый голос милиционера настроил на нужную волну, вполне уверенно ответил:

— Да, конечно.

— Покажите паспорта.

Энтони исполнил просьбу служителя порядка.

Милиционеры проверили документы, сообщили, что все в порядке, но уходить не торопились. После паузы, один из них с наигранной грустью в голосе сообщил:

— Он у нас в отделении настольную лампу разбил...

Тони сообразил быстро. Пара мятых купюр опустилась в карман фирменного кителя и милиционеры ушли.

Джон, как был, рухнул на кровать.

— Что случилось, босс? Где ты был?

— Если бы я знал! — облизывая пересохшие губы, промычал тот.

— Но хотя бы что-то ты должен помнить!

— Поехал с девицами в какой-то ресторан. Там пили. Потом с рыжей, ее, по-моему, звали Маша, поехали к ней домой. По дороге пробили колесо. Шофер стал его менять. Я вышел из машины. Очнулся утром в милиции. Тони, голова раскалывается. Принеси чего-нибудь попить.

— Хорошо. Ты пока прими душ и переоденься.

Через полчаса Джон, смывший с себя злключения прошедшего дня, выглядел относительно бодро. Однако, грусть из глаз не ушла.

В дверь вновь постучали. Не дожидаясь разрешения, в номер вошел Митя, племянник швейцара Михалыча. Не здороваясь, он тут же, без вступления, сообщил:

— Нашел я вашего Соскачева!

— Риали?! — вместе воскликнули американцы.

— Ну, не совсем, конечно, нашел, — замялся капитан, — но адрес есть.

— Давайте его скорее! — возбужденно проговорил Энтони. Дело с возвратом долгов стало его уже напрягать и хотелось быстрее его завершить.

Митя, как невеста, загадочно повел бровями и глупо улыбнулся.

— Ах, да!

Тони подошел к Джону, они горячим шепотом посовещались, и бумажка зеленого цвета опустилась в карман милиционера.

Митя достал ее, посмотрел на номинал и, удовлетворенный увиденным, передал листок с адресом. Поскольку других дел у него здесь не было, не прощаясь, он покинул помещение.

Американцы, наскоро собравшись, вышли из отеля и подошли к стоянке такси.

— Проспект Генерала Пуговкина? Далековато... — шофер в буденовских усах не мигающим взглядом сверлил потенциальных пассажиров. Поскольку те были не

соотечественниками, у него появилась реальная возможность за одну езду покрыть дневную норму.

— Мы заплатим! — уверял Тони.

Джон присоединился к словам коллеги кивком головы.

— Деньги есть, чего бы не заплатить, — уклончиво ответил водила, не переставая буравить глазами американцев.

— Сколько вы хотите?! — выпалил, потеряв терпение, Тони.

— Бензин подорожал... ГАИшники звереют... Дороги разбиты... — рассуждал вслух водитель.

— Двадцать долларов.

— Пробки на кольце...

— Пятьдесят.

— Резина на колесах старая...

— Сто! И это последняя цена!

— Садитесь господа! Мигом доедем! — лицо шофера посветлело.

В машине Джон упал духом и стал капризничать.

— Тони, куда мы попали?! Я думал, что здесь хоть какое-то подобие цивилизации. А тут огромная банда, которая только и делает, что сосет из нас деньги. У нас, что на лбах написано, что нас можно обманывать?!

— Не расстраивайся, Джон! Решим с

Соскачевым и сразу же домой. Больше сюда не ногой!

Нужный дом пришлось искать долго. Номера оторвали сборщики металлолома, а прохожие на вопросы не отвечали, предпочитая удаляться быстрым шагом.

Только через полчаса удалось найти нужное здание.

Усач-шофер попытался выторговать надбавку, но Джон так яростно на него посмотрел, что водила укатил, довольствуясь оговоренной суммой.

Войдя в подъезд, американцы ощутили сладковатый запах. Два чахлах наркомана курили гашиш. Тони, изобразив вежливость на лице, спросил:

— Не подскажите, где квартира сорок семь?

Торчки удивленно посмотрели на американца. Один из них глубоко затянулся, порциями выпустил дым и ответил:

— Скорей всего, между сорок шестой и сорок восьмой.

— Спа-а-а-сибо, — настало время удивляться Тони, — вы нам очень помогли.

— Без проблем! Будет шмаль, заходите. Здесь наш офис.

Янки поднялись на четвертый этаж. Квартира сорок семь была здесь. Джон позвонил. За дверью послышалась возня, и хриплый голос спросил:

— Кого еще там черт принес?!

Глава 6

Город Сочи готовился к варварскому нашествию курортников. На календаре был апрель, но погода уже баловала. Южане готовили из лотков, платных лежаков, пахлавы, вина и мороженого оборонительные редуты, а Северяне — накапливали финансовую мощь для атаки. Море было теплым, как августовское пиво, и местные с наслаждением купались в еще кристально чистой воде.

На набережной в открытом кафе за столиком, в одном из углов которого какой-то Николай нацарапал «Коля Сыктывкар 94», сидел упитанный мужчина и аккуратно пил кофе. В его правой руке дымилась сигара, что явно указывало на то, что он — приезжий и он — при деньгах. Одет субъект был в бежевый легкий костюм, под которым находилась синего цвета рубашка, пошитая из дорогой материи. На его безымянном пальце отливал золотом массивный перстень.

На гладко выбритом, слегка продолговатом лице господина был задумчивый взгляд. Но мечтал он вовсе не об искрящемся шампанском и горячей красавице, а о скорейшем пересечении границы, поскольку имел в натальной жилетке, в зашитом

состоянии, очень даже кругленькую сумму денег. Мечте его, увы, не скоро было суждено осуществиться, поскольку использовать воздушный транспорт он не мог, ввиду строгости таможенного и пограничного досмотра. Подходил лишь круизный лайнер, а их, по причине сложности переходного периода, а, честно говоря, из-за прямого воровства и последующей продажи большей части пассажирского флота за копейки иностранным компаниям, осталось совсем уж мало. И ближайший теплоход ожидался через две недели, не раньше. Вот и грустил господин, куря сигару. И звали его Иван. А фамилия его была Соскачев. И хранил он на теле деньги, сворованные у американской фирмы «Траст».

Ходить с огромным количеством наличности было тяжело и неудобно. Но оставлять деньги на съемной квартире было опасно. Увешанный бумажными доспехами Соскачев, сильно потел. Возможности искупаться в море он также не имел. В общем, с деньгами была морока, но он ее терпел, поскольку после мучений переезда, в более благополучных странах жизнь ожидалась сытая и беззаботная.

На синей глади теплого моря белели паруса яхт, с пляжа несся гомон купающейся детворы. Немногочисленные рыбаки задумчиво смотрели на поплавки и тихо переговаривались. Сочи — город

веселья и отдыха, готовился к сезону. О трудностях переходного периода, переживаемого страной, здесь напоминало лишь обилие торговых точек с низкокачественным турецким товаром и наличие в наиболее людных местах групп накачанных ребят с серьезными лицами.

Иван Никанорович Соскачев был весьма интересным человеком. С детских лет он, сын интеллигентных родителей, успешно занимался фарцовкой. Менял возле Интуриста значки с изображением Ленина на жвачку, которую потом поштучно продавал в школе. Чем старше становился Ваня, тем солидней становился товар. От жевательной резинки к сигаретам, от сигарет к джинсам, от джинсов к иконам шел его путь.

В конце 80-х советское правительство, вконец запутавшись, разрешило гражданам ковать свое счастье в индивидуальном порядке. Ваня бросил институт и организовал пошивочную мастерскую. Умело фальсифицируя известные бренды, он немало заработал, но тут же попал в поле зрения только зарождавшейся организованной преступности. Сняв деньги со счета и оперативно продав оборудование, он скрылся. Данный эпизод многому его научил. Теперь он создавал свои фирмы не «на века», а на определенный период времени. Как только интуиция подсказывала ему, что пора валить, он незамедлительно это делал.

Через несколько лет работы «на чемоданах», он сделал для себя неожиданный вывод: гораздо проще и прибыльней заниматься продуманным мошенничеством, чем участвовать в подъеме экономики страны. «А кто сказал, что мошенниками рождаются? Обстоятельства заставляют!» — подумалось ему. И с этим выводом Иван уверенно вступил в новый для себя период жизни.

Сменив джинсы и куртку из «варенки» на костюм делового человека, он снял офис в центре Москвы и поместил рекламу. Фирма «Восход», руководителем которой он был, занималась коммерческим посредничеством. Прошло целых три месяца, пока клиенты не поняли, что их просто надувают. Скандал был грандиозный, но Иван успел ускользнуть.

Отсидевшись полгода в «подполье» и обдумав свои дальнейшие действия, он решил, что более безопасно «кидать» зарубежные фирмы. Начав с неокрепших государств СНГ, он через пару лет перешел на Европу, а потом и на Америку.

Последняя его махинация с «Трастом», по его плану, была заключительным аккордом в его напряженной мошеннической деятельности. Все удалось как нельзя лучше. И вот теперь, бросив жену, московскую квартиру и машину, знакомых и друзей, он сидел в кафе на набережной Сочи.

Впереди его ожидала легкая и обеспеченная жизнь. Но до нее еще надо было добраться.

Глава 7

Массивная дверь, обитая со стороны подъезда листовым железом, а с обратной — дерматином на ватине, тяжело открылась. Американцы увидели дряхлого старика в тужурке и валенках. На его шее и груди красовался серый пуховой платок, от которого исходил неприятный запах, свойственный лесозаготовительным складам с протекающей крышей. Помутневшие глаза, следящие за миром еще со времен коллективизации, ничего доброго не предвещали. Дед злобно оглядел пришедших и тем же хриплым голосом выпалил автоматной очередью массу вопросов:

— Чем обязан? Вы — из ЖЭКа? Почему топить перестали? Лампочки в подъезде кто-нибудь поменяет? Убирать у нас во дворе будут?

Дед подкреплял свои выкрики довольно живой мимикой и резкими телодвижениями, совсем не вязавшимися с его рутинным видом.

Джон вопросительно посмотрел на Тони. Тот слегка растерялся, поскольку беглую русскую речь он пока еще воспринимал с трудом. Чтобы как-то остановить словесный поток, лившийся из уст старика, Энтони громко хлопнул в ладоши. Когда

удивленный дед замолк, Тони спросил:

— Здесь живет Иван Соскачев?

Дед, видимо, только и ждал этого вопроса.

— Ах, вот вы зачем пришли! Я бы тоже хотел знать, где этот гад обитает. Попался бы он мне в 43 — м под Курском!..

Тони повторно хлопнул в ладони.

— Где он сейчас, насколько я понял, вы не знаете. Может быть, вам известно, где сейчас его жена?

— Доченька моя родная, — запричитал старик, — Надо ж ей было выйти за этого капиталиста! Говорил я ей, не связывайся ты с этим буржуем недобитым. Так нет же! Люблю его, говорит, жить без него не могу!

— Стоп, стоп, стоп! Дедушка давайте так: мы зайдем, вы нам расскажете все подробности, а мы вам дадим денег на лекарства, — сказал Тони. Но еще раз осмотрев подвижного старика, добавил: — Или на развлечения, как вы сами захотите.

Дед про деньги понял и пригласил американцев в дом.

— Наливочки домашней не желаете? Чистый нектар!

— Как вас зовут, уважаемый?

— Петр Никонович Попугайкин.

— Петр Никонович, времени у нас мало и поэтому просим вас перейти к сути вопроса.

— А вы не шпионы? По-русски что-то не чисто говорите, — подозрительно прищурился дед.

— Нет. Мы обыкновенные американцы. Ваш зять — наш партнер по бизнесу. Нам необходимо обсудить с ним некоторые вопросы.

Джон, не принимавший участия в разговоре, взял со стола, рядом с которым он сидел в кресле, альбом. Развернув его, он обнаружил там почтовые марки.

Старик, увидев это, тут же забыл про Тони и сказал, обращаясь к Джону:

— Моя гордость — Ленинская серия!

Подойдя, он стал тыкать морщинистыми пальцами в марки, подробно рассказывая о каждой. Отвлечь его от этого занятия, не представлялось никакой возможности, и трастовцы решили, что пусть дед выговорится.

— Вот эта марка с изображением юного Володи Ульянова была выпущена к юбилею пионерской организации. А тут изображен Ленин на броневике, номинал марки пять копеек, но ее нынешняя стоимость равняется сорока тысячам рублей.

— Пяти долларам, — пояснил Тони Джону.

Войдя в раж, Петр Никанорович стал вполне походить на работника провинциального музея, находящегося на низкооплачиваемой должности экскурсовода. Стоит заметить, что обстановка

квартиры существенно отличалась от внутреннего убранства нищих музеев. Здесь были и великолепные хрустальные люстры и итальянская мебель, персидские ковры и многое другое, что выгодно отличало жилище Соскачева от запущенных хранилищ древности.

— Здесь Ленин и Надежда Константиновна, марка выпущена к Международному женскому дню. А, вообще, друзья, у меня есть места, — Петр Никанорович засиял и, перейдя на доверительный шепот, поведал: — Хочу создать универсальную марку, чтобы имела она хождение во все мире.

— Она уже есть. Это — долларовая банкнота, — сухо сказал Тони, взял у Джона двадцатку и протянул деду, — Давайте все-таки вернемся к цели нашего визита.

Старик осторожно взял деньги, нашел кляссер с марочными блоками и в одну из ячеек вставил банкноту.

— Петр Никонович, это — деньги. Их не хранить, их тратить надо. Хотя... Как вам угодно. Итак?

— А что тут рассказывать? Неделю назад пришел Ваня домой. Задумчивый какой-то пришел. Я ему: «Давай. В шахматы сыграем». Он: «Некогда сейчас, дел много». А сам вещи в чемодан складывает. Потом рубашку снял и тужурку с карманами на тело надевает. Я — ему: «Ты, Ваня,

куда собрался?». А он мне: «В командировку дескать поеду». «Как же, — говорю. — Ты хоть Катю дождись. Попрощаетесь». «Я ей позвоню». И пропал. Вот так. С тех пор о нем ни слуху, ни духу.

— А его жена, ваша дочь, где сейчас?

— Так его же искать поехала.

— Куда?

— В Краснодар, вроде бы.

— А почему именно туда?

— У нее подруга в кассах самолетных работает. Через ту узнала, что Ванька туда билет брал.

— Она вам звонила? Может быть, она уже мужа нашла?

— Один раз звонила. Нету еще Ваньки.

Американцы попрощались с дедом-филателистом и направились в гостиницу.

— А где этот Краснодар находится? — спросил уже в номере Джон.

— Где-то на юге России. Там, кстати, недалеко находится станица Новопокровская. В ней проживали когда-то мои родственники по материнской линии. Возможно, они еще живы.

— И что же нам делать? — упавшим голосом спросил Джон.

Время, проведенное в России, довольно заметно преобразило его как внешне, так и внутренне. Со щек ушел румянец, из глаз — блеск.

Металлический голос дал трещину и уже не обладал прежней категоричностью. Уверенность в себе испарилась как легкое облачко в солнечный день. Руководство экспедицией легко, без нажима, перешло к Энтони. Тот был более изобретателен, знал язык и довольно быстро разобрался в особенностях российской жизни.

— «Что делать?», «Что делать?» — передразнил он Джона, — Искать будем!

— Да, Энтони, я хотел тебе сказать, что если мы найдем мои деньги, то двести тысяч — твои.

Клерк довольно улыбнулся и сказал:

— Лучшего стимула для меня ты и не мог бы придумать. Я его теперь из-под земли достану!

Глава 8

Джон и Тони, наевшись досыта общения с московскими таксистами, решили использовать метро для поездки на Курский вокзал. Выйдя из подземки, они были тут же подхвачены бурным потоком энергичных российских граждан. Сопrotивляться было бесполезно, и американские искатели отдались во власть стихии, которая и выбросила их, как корабли на берег во время шторма, к билетным кассам. Там полноватая блондинка, лишь слегка удивившись, продала им билеты за доллары.

Посадка в поезд происходила динамично и напоминала взятие Зимнего дворца, но только без выстрелов. «Женский батальон» проводниц хладнокровно сдерживал натиск атакующих. Однако вагоны были в кратчайший срок захвачены, и, следуя расписанию, состав отправился в путь.

Железные колеса стучали по стыкам рельс двое суток, прежде чем поезд достиг Краснодара. Из вагона Джон и Тони вышли уже не теми, кем они садились в Москве. Они сильно изменились. Лицо у Джона стало грустным и безразличным, ушли апломб и уверенность в себе. На лбу появились две глубокие параллельные морщины, сделавшие его слегка похожим на странствующего философа. Большую часть дороги он проспал на верхней полке, закрываясь колючим одеялом от разгула российской действительности.

Тони же напротив приобрел залихватский вид, некоторую хамоватость и небольшой синяк под левым глазом. Бывалые пассажиры научили его пить водку не закусывая, ругаться с проводницами и пользоваться вагонным туалетом, не замочив обувь.

Так как американцы, к несчастью, купили билеты в плацкартный вагон, им пришлось ехать вместе с дембелями, вахтовыми рабочими, бабками-торговками и прочим беспокойным людом. По вагону дефилировали, сменяя друг

друга, священнослужители, собирающие подаяния на несуществующие храмы, немые продавцы газет, всевозможные попрошайки и карточные каталы.

Пройдя все круги ада МПС, янки все же оказались на благодатном юге.

Изменились и американцы, и их взаимоотношения. Мощнейший ураган российского лихолетья смял и сломал Джона. Он стал вял и нерешителен, чего нельзя было сказать о Тони. И вполне естественным путем руководство экспедицией перешло к Энтони. Это не было подтверждено официально, но Джон все чаще говорил Тони: «Поступай, как считаешь нужным», «Я полностью тебе доверяю» и даже «Ты и решай».

Прибыв в Краснодар, американцы совсем не знали, что делать дальше. Как найти Екатерину Соскачеву в этом большом городе, скорее напоминающем сильно разросшуюся казацкую станицу. Да и зачем им нужна Екатерина? Знает ли она где ее муж?

Был полдень. Южное весеннее солнце выглядывало из-за облаков, как суфлер из будки. Вокзал бурлил. Сытые лица станичников лезли в окошки привокзальных касс. Казаки, одетые в собранную из чего придется форму, с гордым видом патрулировали территорию.

Облаянные продавщицей привокзального буфета во время покупки бутербродов с засохшей

колбасой, янки вконец растерялись. Может от отчаяния, может по глупости, а может быть еще по какой-либо причине, они подошли к первому же встретившемуся им милиционеру и спросили:

— Как нам найти Екатерину Викторовну Соскачеву?

Милиционер, повидавший на своем веку немало, нисколько не удивился ни абсурдности вопроса, ни акценту вопрошающего, а просто попросил предъявить документы.

Изучив паспорта, страж порядка сказал:

— Придется пройти в отделение. Вы — иностранцы, а разрешения на выезд из Москвы у вас нет.

— Что? Какое разрешение? У нас есть виза, разве этого не достаточно?

— Нет. С визой вы только по Москве можете передвигаться. Пройдемте!

В небольшой комнатке, насквозь провонявшейся рядом расположенным сортиром, американцы рассказали дежурному офицеру все. Милиционер недобро улыбнулся и позвонил в городской отдел.

— Брыкина позовите. Миша, ты? Тут вот какое дело. Двух иностранцев взяли...

— Мы сами пришли! — попробовал протестовать Тони.

Офицер зажал трубку ладонью и приказал

сержанту:

— Выведи их на пару минут.

Когда возмущающихся американцев удалили, он продолжил:

— Так вот. Ищут они некоего Соскачева Ивана Никаноровича. Тот кинул их американскую фирму. И очень крупно кинул. О миллионах речь идет, как я понял. И отнюдь не рублей. Да... Хорошо... Посылаю их к тебе. Ну, ты же там тоже обо мне не забудь. Понял... понял... Ну, пока!

В городском отделении милиции, куда доставили янки, было попросторнее. И главное — не пахло нечистотами. Хотя и тут до запахов хвойного леса было далеко.

Сержант сказал что-то дежурному и повел Джона и Тони на второй этаж. По дороге Энтони вел себя беспокойно. Кричал, требовал вызвать американского консула, грозил пожаловаться в ООН. Но возле двери с табличкой «следователь Брыкин М.С.» он как-то сник и замолчал.

В кабинете спиной к окну за массивным столом сидел грузный мужчина с торчащими, как трава на свежестриженном газоне, волосами на голове. Густые брови, низко нависшие над глазами, придавали ему очень грозный вид. Справа от него на привинченном к полу табурете сидела заплаканная женщина недурной наружности.

Следователь встал навстречу вошедшим и

глухим голосом спросил:

— А зачем вам нужен Соскачев Иван Никанорович?

Тони посмотрел на решетки на окнах и, слегка запинаясь, ответил:

— Мы — его братья.

— Чудненько! А вот, знакомьтесь, — Брыкин указал на женщину, — Соскачева Екатерина Викторовна, жена Ивана Никаноровича.

Глава 9

В кабинете повисла тяжелая пауза. Мухи, возившиеся на подоконнике, и те притихли.

— Но... но у моего мужа не было братьев, — справившись с волнением, сказала Екатерина Викторовна.

— Мы — братья по духу, ну, или там по жизни... по пониманию жизни... по... — юлил Тони, — короче, мы — партнеры по бизнесу.

— ... И он вам должен крупную сумму денег, — продолжил следователь.

— Это так, — не стал отрицать Тони.

— А почему вы ищите его именно здесь, в Краснодаре? — прищурил глаза Брыкин, из-за чего они стали почти невидимыми под густой кроной бровей.

— Отец Екатерины Викторовны сказал нам, что она поехала сюда.

— Ясненько. А вы, Екатерина Викторовна, почему обратились с просьбой о розыске вашего мужа именно в Краснодаре, а не в каком-либо еще городе нашей необъятной страны?

— Последнее время он часто говорил о юге. Собирался сюда съездить.

— Ясненько. Заявление о розыске, я думаю, писать не стоит. Разыщем вашего мужа и вашего партнера по бизнесу частным порядком. У вас, Екатерина Викторовна, его фотография есть?

— Конечно. Вот, пожалуйста.

— Хорошо. Сегодня разошлю по краю. Зайдите через пару дней. Может, что и прояснится.

Когда обе стороны, жаждущие разыскать Соскачева, вышли из отделения, между ними состоялся неприятный разговор. Екатерина до

женитьбы работала продавщицей в овощном магазине, а Тони поднаторел в вагонных баталиях, так что поединок получился равный.

— Вам, козлы американские, что от моего мужа надо?! — заорала Соскачева, лишь только они зашли за угол.

— Наши законные деньги, — зло огрызнулся Тони.

Екатерина скрутила дулю и сунула ее в самый нос американца. Тони толкнул противницу, и та стукнулась спиной о кирпичную кладку здания.

Не успевшую разгореться битву, потушили одним своим видом два, проходивших мимо милиционера.

Екатерина крикнула «Гады!» и нервной походкой удалилась в сторону автобусной остановки.

Джон, отойдя от транса, сказал:

— Тони, как ты можешь?! Нельзя бить женщину!

— Какая она женщина?! Сучка подзаборная!

— Тони!

— Ладно, Джон, ближе к делу. Надо следить за ней. Только она нас сможет вывести на Соскачева.

— Но Тони...

— Послушай, Джон, я говорил тебе, что у меня в станице Новопокровской есть

родственники?

— Ну...

— Так вот. Поедем туда, ты поживешь там с полмесяца, пока я тут все улажу. Одному мне будет проще.

— Но...

— Никаких «но»! Ты же хочешь вернуть свои деньги?

Джон, с которого уже давно слетел весь его американский лоск, покорно согласился.

Тони, который уже вполне сносно ориентировался в способах передвижения по бескрайней России, добрался к вечеру, вместе с Джоном до станицы.

Автобус, который их вез по грунтовым сельским дорогам, так трясло, что вышли из него американцы абсолютно разбитыми.

Возле остановки стояла тихая старушка и торговала семечками. Тони, купив для начала разговора кулечек, спросил:

— А где Роменко проживают, не подскажите?

— Как же, милоч, не подскажу? Подскажу. Тут их, почитай, полстаницы. Вам какие нужны?

— Любые.

— Тогда, вон ту хату за колодцем видите? Идите туда, там самые старые Роменко живут.

Стучаться в дверь пришлось долго. Лишь через пять минут послышались шаркающие звуки,

потом звон упавшего ведра и дикое «Мяу!» придавленной кошки. Потом падение чего-то тяжелого и хриплый недовольный прокуренный бас «Ходють!» Вслед за этим дверь, яростно скрипнув петлями, открылась.

На пороге стоял Санта-Клаус в исподнем. Борода и усы деда были скомканы и осыпаны табаком. Волосы на голове, словно инеем, были обильно усыпаны сединой. Левый глаз его смотрел, в отличие от правого, не на пришедших, а куда-то в сторону.

Дед хмуро оглядел гостей, подивился их явно заграничной одежде, сильно пострадавшей за время путешествия. Потом он высморкался в рукав, подтянул кальсоны и спросил:

— И что?

Тони, которого неласковый прием не сбил с толку, сказал:

— Мы ищем Роменко.

— Ну, я — Роменко. Что дальше?

— Дело в том, что моя бабушка Галина Петровна Роменко родом из этих мест.

— Галка Роменко — моя старшая сестра. Но она после революции в Америку подалась.

— Так вы, получается, мой двоюродный дед! Можно, мы в дом зайдём?

— Отчего же не зайти? Заходите! Так ты, хлопчик, Галкин внук, что ли?

Гости и хозяин прошли через темную и сырую прихожую и очутились в небольшой комнатке с низким потолком. Дед усадил приятелей и крикнул своей бабке:

— Галина, накрывай на стол! Внук из Америки приехал!

На следующее утро Тони, едва живой от чрезмерного употребления «первача», оставив на попечение родственников Джона, поехал в столицу края.

Провожали его всей станицей. Развлечений здесь было мало, и любое событие немедленно перерастало в праздник.

Тони вынужден был перецеловаться со всеми станичниками, от чего губы у него стали твердыми и грубыми, как боксерская капа. Потом он сел в автобус. В сторонке стоял Джон и неуверенно махал на прощанье рукой. Энтони высунулся в окно и крикнул деду:

— Григорич, вы тут за Джоном поглядывайте. Русскому языку его научите.

— Не волнуйся, внучок, в обиду не дадим! — крикнул дед и позвал Джона: — Жора, пошли самогонку пить!

Джон уже понимал слово «самогонка» и поэтому, услышав слова Григорича, сильно скривился.

«Ничего, я не долго», — подумал Тони.

Глава 10

Тони дежурил у городского отделения милиции уже три дня, а Соскачева все не появлялась. Он угощал пивом дежурных офицеров и удивлялся тому, что те спокойного его употребляют на службе. Янки свел с ними знакомство, и милиционеры разрешили ему сидеть в небольшом тамбуре напротив дежурки и караулить Екатерину. За время, проведенное на посту, Тони сильно продвинулся в своих знаниях о незримой стороне милицейской работы. Теперь стойкий страх перед служителями закона стал составной частью его натуры, что приблизило его к облику настоящего российского гражданина.

Екатерина Викторовна появилась неожиданно. Тони, достигший таких высот в знании русского языка, что мог решать кроссворды, сидел на своем посту и скрашивал этим занятием свои скучные часы ожидания. Женщина прошелестела юбкой мимо него, не узнав.

Тони, крадучись как лис, проследовал за ней. Возле двери Брыкина он замер и превратился в слух.

Там, в кабинете, шел серьезный разговор. Тона были повышенные, благодаря чему американец имел возможность улавливать суть

беседы.

— Почему это я должна с вами делиться?! — кричала Соскачева.

— Но ведь я нашел вашего мужа!

— Его задержали?

— На каком основании? Но за ним следят.

— Где он?

— В Сочи.

— Сочи большое. Где конкретно?

— Нам необходимо заключить с вами небольшой договорчик.

— Какой еще «договорчик»?! Вы — лицо при исполнении.

— Ясненько... Значит, делиться не хотите? Может, с рэкетом желаете познакомиться?

— Но... но, вы же — милиционер! При чем здесь рэкет?!

— Все при том же! Так что, договоримся?

— Нет! Я его сама найду, — сказала в заключении Катя, видимо полагая, что первый, кого она встретит, приехав в Сочи, будет ее сбежавший муж.

— Как знаете, как знаете...

В кабинете послышался звукдвигающихся стульев и Тони отскочил от двери в сторону и, надо сказать, вовремя. Дверь с грохотом распахнулась и из кабинета вылетела вся красная, как свекла, Екатерина. Энтони хотел уже было припустить за

ней, но дверь повторно открылась, и в коридор вышел уже переодетый в гражданскую одежду Брыкин.

«Сочи, Сочи... Надо быть там раньше ее. Да и этот мент, наверное, виды имеет», — подумал Тони, бесшумно идя сзади.

Вся троица, следуя друг за другом, как и следовало ожидать, встретилась на автовокзале. Глупо было играть в шпионов и, столкнувшись лоб в лоб, они вынуждены были как-то обозначить свои взаимоотношения.

— Чего увязались, гады?! — взревела Екатерина.

— Вы не имеете никаких прав на деньги, которые нашей компании должен Соскачев, — не громко, но твердо произнес Тони.

— Может, мы сможем договориться? — озираясь на собирающуюся вокруг них толпу любопытных, сказал Брыкин.

— О чем договариваться? Он — мой муж. И все, что принадлежит ему, принадлежит и мне. Ясно? А с этим долгом мифическим еще разобраться надо!

— Как это «мифическим»?! У меня и все документы с собой! — изумился Тони.

— Какие документы?! Ты че, паря?! — рявкнул, забывшись, милиционер.

— Не в Америке своей долбанутой, чай! —

неожиданно пришла на помощь следователю Соскачева.

— Вы... вы... вы за это ответите! — зашипел Тони.

Толпа вокруг них собралась совсем уж неприличная, и надо было расходиться.

«Сам его найду!» — гневно подумал Энтони и устремился к стоянке такси.

— В Сочи! — крикнул он, падая на сидение автомобиля.

Носатый кавказец с интересом посмотрел на потенциального пассажира и спросил:

— А ти знаешь, дарагой, сколько это стоит будэт?

— Не имеет значения!

— Для тэбю нэ ымеет, а для мэны — ымеет!

— Хорошо, сколько вы хотите?

— Двэсты баксов!

«Не дорого», — подумал снабженный командировочными Тони и сказал:

— Триста, если будешь быстро ехать.

— Харашо, дарагой! Так бистро ты ещо нэ когда нэ ездыл!

Екатерина и, увязавшийся за ней, Брыкин разрезая толпу, как ледокол, прорвались к автобусным кассам. Там их ожидал неприятный сюрприз — транспорта на Сочи не было. В районе Горячего Ключа террористы захватили автобус с

пассажирами, и весь район был оцеплен.

— Куда есть билеты?! — крикнула в окошко кассы Екатерина.

— В Анапу, в Новороссийск.

— Это по направлению к Сочи?

— Не совсем. Немного в сторону. Но в Новороссийске вы можете сесть на «Комету» и добраться до Сочи, — ответила кассирша.

— Какие там «Кометы»?! Они уже лет пять, как не ходят. Продали за границу «на иголки»! — недовольно пробурчал рыжий дядька, стоящий рядом с Екатериной.

— Хорошо. Давайте до Новороссийска, — сказала Соскачева и подумала: «Там на месте ориентируюсь».

Брыкин избрал другой путь к достижению Сочи. Он остановил микроавтобус, предъявил удостоверение и грозным голосом приказал ехать в Сочи.

Станичник, хозяин машины, вез на базар кур в клетках. Он попытался отбиться от сотрудника правопорядка, мотивируя тем, что куры могут подохнуть, но Брыкин был непреклонен. Проклиная судьбу, фермер направил свой автомобиль к городу-курорту.

Гонка началась. На кону был Соскачев и умыкнутые им деньги. Серебряные и бронзовые медали не предусматривались, значим был лишь

первый результат.

Глава 11

Ранним утром Петр Никанорович Попугайкин сидел за массивным дубовым столом в большой комнате московской квартиры и с увлечением перекладывал марки. Отсутствие зятя и дочери мало заботило его и воспринималось скорее как благо. Деньги, выданные ему американцами, он уже пристроил, о чем свидетельствовали пять новых классеров и несколько пухлых конвертов с марками.

В дверь, бесцеремонно нарушая покой пенсионера, позвонили. Причитая, как бабка, он поплелся в прихожую. Не успела входная дверь полностью открыться, как по подъезду понеслась его обычная ругань.

— Почему топить перестали?! Когда лампочки поменяете?!

Но, не докончив своего спича, Попугайкин загнулся — на пороге стоял человек в форме капитана милиции.

Дед, прошедший закалку на фронтах и пять лет в сталинских лагерях (по досадной ошибке), при виде старшего по званию непроизвольно вытянул руки по швам. Перед ним стоял невысокий крепыш с гадкими черными глазами. Это был Митя,

племянник швейцара Михалыча.

Митя, или точнее Дмитрий Викторович Шайкин, даром, что был мент, имел жизненную историю замысловатую и увлекательную.

Уже с десяти лет он состоял на учете в Первомайском отделении милиции глубоко провинциального города Прудки, поскольку любил забирать мелочь у одноклассников в школьном буфете. Потом пошли дела покруче. Газетные киоски, сувенирная лавка, гастроном и даже дача главы города подверглись нападению юного Аль Капоне и его банды. И вот именно дача и переполнила чашу терпения служителей порядка — Митю взяли. Но... но посадить не смогли — ему не было четырнадцати.

Везло ему и в дальнейшем: то улик недостаточно, то свидетелей найти не удалось. Архаичная, как подсечно-огневое земледелие, система борьбы с малолетней преступностью работала неэффективно, что и позволяло Мите оставаться безнаказанным. А когда его прижали по-серьезному, и вполне отчетливо высвечивался срок, он свалил в армию. Там он вообще стал проделывать виртуозные трюки. Завел себе друга, полкового писаря, и через него доставал бланки воинских требований, по которым приобретал авиационные билеты.

Вечером в субботу он отворачивал угол

одеяла на своей кровати, складывал на табурете свое обмундирование, ставил рядом сапоги и прятал под подушку тапочки. Так, даже не зная мудреного термина «эффект присутствия», он успешно им пользовался. Потом он шел к своему потайному месту в каптерке, одевал там гражданскую одежду и, покинув часть, ловил такси и мчался в аэропорт. Потом летел в какой-нибудь крупный город (исключая Москву и Ленинград, которые он избегал) и выбирал дом в центре. Следуя интуиции, определял квартиру побогаче и хладнокровно и нагло ее грабил, используя в качестве оружия муляж пистолета. Хозяев запирали в туалете или ванной и, забрав золото и деньги, спокойно уходил. На такси ехал в аэропорт и ближайшим рейсом возвращался обратно. В казарме его отсутствия чаще всего не замечали. А если старшина намеревался поднять шум, он просто выставлял ему «пузырь». И здесь ему везло — за два года ни одного залета. Ехал Митя на «дембель» баринком. Кожаный плащ, джинсовая «тройка», фирменный «башмак», «дипломат» с коньяком, виски и пачками денег внутри. Имея натуру широкую, он на «гражданке» прогулял награбленное в два месяца. Остро встал вопрос о дальнейшем.

Не сильно заморачиваясь, Шайкин направил свои стопы в Первопрестольную. И вот тут всему

его везению пришел конец — в столице милиция работала гораздо лучше, чем в провинции. Когда его арестовали за очередной грабеж, богиня Фортуна, уставшая уже возиться с Митей, отвернулась от него. Но... но, видимо, не полностью — надвигалась Олимпиада, сотрудников в органах катастрофически не хватало и начальник отделения, работники которого взяли Митю, неожиданно предложил:

— Если сидеть не хочешь, можешь пойти к нам на работу.

Митя, не веря своему счастью, часто закивал головой.

Теперь он приобрел определенный социальный статус. Ему дали форму, табельное оружие и комнату в общежитии. Своих наклонностей Шайкин, конечно же, не изменил. Стал он только значительно осторожнее и умнее. Грабил только уже награбленное, «обувал» только преступников, честных граждан не трогал.

Окончив школу милиции, получил звание. За годы дослужился до капитана, в коем чине он и прибыл на квартиру пенсионера Попугайкина.

Внимательно изучив деда, он шипящим голосом спросил: — Квартира Ивана Никаноровича Соскачева?

Судя по судорожным миганиям старика, это было так. Митя продолжил допрос потерявшегося

деда: — А вы кем ему доводитесь, гражданин? — Я... я — его тесть. А почему «гражданин»?

Митя игнорировал вопрос и, слегка отпихнув плечом Попугайкина, зашел в квартиру.

Дед, отпрянув, удивленно спросил:

— А этот, как его, ордер у вас есть?

— Есть дедуля, все у меня есть. Назовите ваше имя.

— Попугайкин Петр Никанорович. А, собственно говоря, по какому поводу? За шпаной лучше бы следили, весь подъезд они загадили.

— И со шпаной разберемся. А вы вот что мне скажите: приходили к вам американцы?

— Ну, да. Приходили. И что из этого? Сейчас это не запрещено! Мы во время войны с ними союзниками были.

— С какой целью они к вам приходили? — неожиданно крикнул Шайкин и, подойдя вплотную к старику, просипел:

— В глаза мне смотреть!

Дед попятился назад, привычным движением взялся за сердце и, облизывая сухие губы, произнес:

— Вы что же это меня пугаете, товарищ капитан? Я уже человек старый...

— Зачем они к вам приходили?!!

— Да, Ваньку они искали.

— Зачем?!

— Денег он им должен.

— Много?

— Вроде, как пару миллионов долларов.

Митя довольно ухмыльнулся — предчувствие его не обмануло.

— Где Соскачев сейчас? — с трудом скрывая радость, спросил Шайкин.

Попугайкин почесал щетинистую щеку и медленно ответил:

— На Севере где-то... Дочка его в Мурманск искать поехала...

Что-то подсказало деду, что лучше солгать.

— Нашла его?

— Вроде бы, да.

— И где они находятся?

— У племянницы, — продолжал врать дед.

— Адрес?!

— Головлева 5, квартира 1, — первое, что пришло в голову, сказал Попугайкин.

— Ну, хорошо, старый. Больше пока вопросов к тебе нет. Но ты, в интересах следствия, помалкивай. Понял?

— Как тут не понять!

— Хорошо. Пока все. Ну, бывай!

Шайкин вышел в подъезд и громко хлопнул дверью.

Дед, довольно хихикая, пошел в свою комнату, чтобы переодеться и взять документы. Кляссеры на время были забыты.

Глава 12

Светло-серая «Волга», скрипя на ухабах несовершенствами конструкции, летела к югу. Мотор, из которого выжимали все, что только можно, яростно ревел.

— Слющай, брат! А зачем в Сочи свое спещищ? Дэвушка у тэби там? — спросил черноволосый водитель.

— Нет, мужчину одного ищу, — флегматично ответил Тони.

— Чего? Мужчину? — удивленно переспросил таксист-кавказец и подозрительно посмотрел на американца.

— Вы не так поняли. Ну, в смысле, знакомого, — заюлил Тони.

— Слющай, вот, что скажу. Я на своем красавцэ-машине всяких там не вaju, понал! Таких, которые с мужчинамы дружит, сидэт тут нелза, — водитель остановил машину, — давай денга и иди пешком в свой Сочи.

Тони, пораженный столь необычно развернувшимися событиями, попытался все уладить:

— Вы меня совсем не так поняли. Мне очень даже нравятся девушки...

— А зачем тогда тэбэ этот, из Сочи

каторий? — прищурил глаза кавказец.

— Просто мой знакомый.

— «Просто знакомый»! Из Краснодара в Сочи к «просто знакомим» не ездят! Выходы!

— Хорошо, я скажу! Он мне должен деньги.

— Другое дэло, дарагой! Настоящий джигит!

Нос эму атрэж, руки-ногы пэрэломай, а дэнгы забэры!

— Ну, такие методы средневековые я применять, конечно же, не буду...

— Какие «срэднэвэковые»?! Так всэ сэйчас дэлают! — перебил шофер.

— Как?! Конец двадцатого века, гуманность...

— Ти чо, бэлэна кушаль?! Он па другому нэ атдаст!

Тони задумался. Его знания о России становились все шире и шире.

— Может... возможно как-нибудь по-другому? — неуверенно спросил он.

— Нэт, дарагой! По другому нэкак. Зарэзат еще можешь. Но тогда дэнэг нэ будэт.

— А вы не смогли бы мне помочь? Я бы вам заплатил, — немного подумав, сказал Тони.

— Канэчно, памагу! А сколько дашь?

— Тысячу долларов.

— У-у-у-у!!! — утробный голос кавказца вырвался наружу и педаль газа соприкоснулась с поликом, — Я из нэго катлэта сдэлаю!

Таксист стал совершать такие дерзкие маневры и гнать машину с такой скоростью, что Энтони, поминутно от страха закрывая глаза, пожалел, что открылся кавказцу.

Микроавтобус со следователем Брыкиным на борту следовал в южном направлении. Станичник канючил:

— Ну, товарищ милиционер. Ну, куда же мы едем?

— На задание, — коротко отрезал следователь.

— У вас же свои машины есть. Отпустите меня, товарищ милиционер. Подохнут ведь куры.

— Рули и молчи.

— А за бензин кто заплатит? Туда двести километров, назад двести...

— Слушай, будешь ныть — реквизирую машину! Понял?!

Станичник притих, но через минуту снова принялся бубнить, но уже себе под нос. Куры, испытывая перегрузки, недовольно кудахтали.

Через час начались сложности. На подъезде к Горячему Ключу шоссе было перекрыто самым решительным образом. Многокилометровая пробка упиралась в два ставших поперек дороги БТРа. С полроты солдат отгоняли наиболее ретивых.

Брыкин с впавшим в полный ступор хозяином кур продрался на микроавтобусе к самому

заграждению. Он долго махал своим удостоверением и сотрясал воздух какими-то уж слишком мифическими угрозами, пока не получил от солдата — первогодка довольно увесистого удара прикладом автомата в плечо. Капитан ретировался в микроавтобус к курам. Диким голосом он приказал прибывающему в прострации станичнику подавать назад. Однако было поздно — сзади их наглухо заблокировали без конца подъезжающие автомобили. Мало того, красные от гнева глаза Брыкина увидели, как по обочине проследовал пешим порядком Тони с каким-то кавказцем.

— Правэлно ти придумал, дарагой! Чэго в пробкэ стоят. Обойдом этот Ключык, а там машина поймаэм.

— Я тебе не сказал, Джабраил, но у нас есть конкуренты.

— Чиво?! Всэх пэрэрэжу!

— Нет, резать не надо, а вот поторопиться желательно.

К позднему вечеру напарники вышли к какой-то деревне. Сумерки уже загустели, и имело смысл заночевать. Тони постучался в ближайший дом.

Дверь открылась неожиданно быстро. Хорошо поставленный голос, свойственный военным, учителям и билетерам, резко прозвучал в темноте

коридора:

— Плитку выгружайте в сарае. Куртки и обувь — заносите в дом!

Тони, опешивший, слегка попятился. Кавказец, привыкший ко всякому за время своей шоферской жизни, продвинулся вперед и громко сказал:

— Плэтка нэт с собой. Патом вэгрузим. Нас с другом начэват надо.

Свет в прихожей тут же зажегся и высокий худой человек, щуря глаза от яркой лампочки, тем же поставленным голосом, спросил:

— А вы разве не из «Карго»? Я их ждал.

Тони, решив, что переговоры лучше вести ему, выдвинулся вперед.

— Мы, видите ли, ехали в Сочи. Но дорога оцеплена. Оставили машину и обошли пешком Горячий Ключ. Но ночью мы не можем идти — сбились с пути. Не разрешили бы вы у вас переночевать? Мы заплатим.

На протяжении всей речи Тони, худой человек морщился, но последняя фраза его лицо просветлила.

— Если только на ночь, то можно. А сколько вы намерены заплатить?

Тони назвал сумму, и ночных гостей тут же впустили в дом.

Хозяин жилья Крабов Олег Семенович

считался в селе очень уважаемым человеком потому, что читал Ницше и имел бильярдный стол. Он, бывший учитель истории, уже второй год «челночеством» обеспечивал свою одинокую жизнь. Возил из Турции ходовой товар и перепродавал его дальше, в Россию. Резкий бросок от гуманитарной профессии к торговой наложил на его лицо неизгладимый отпечаток. Теперь в глазах светился не задумчивый взгляд историка, смакующего даты, архивные документы и веховые события, а мерцал хваткий погляд торгаша.

Все комнаты его дома, а также подсобные помещения были заставлены разнообразным заморским товаром. Находились здесь и тюки с кожаными куртками, и коробки с обувью. Пирамиды из моек из нержавеющей стали возвышались вдоль стен, холмы из спортивных костюмов и кроссовок делали ландшафт зала и спальни объемным. Смесители, какие-то запчасти, наборы гаечных ключей валялись повсюду.

Тони, за время пребывания в России, обзавелся некоторыми, ранее не свойственными ему, привычками. И выход на первый план в российской экспедиции вместо сломавшегося Джона, тоже повлиял на его характер. Он стал значительно наглее и приобрел привычку везде совать свой нос.

— А у вас здесь склад, как я посмотрю! —

восхищенно произнес Тони, фамильярно осматривая помещение.

Учитель слегка скривился, но ответил:

— Торгуем понемногу, — и продолжил. — Не желаете ли чаю? С дороги.

Чаю экспедиционный корпус желал. Олег Семенович засуетился с электрочайником, а кавказец, цокнув языком, сказал:

— Вах, как чэловэк живет харашо! Маладэц! Дэнги надо сэйчас грэсты, потом — нэ получэтса.

Учитель оставил чайник и тут же вступил в дискуссию:

— Я думаю... простите, как вас зовут?

— Джабраил.

— Так вот, Джабраил, перспективы будут всегда. Но... но сейчас надо заложить материальную базу для своего дальнейшего развития.

Данная тема мало трогала Тони, поскольку он был уверен, после совсем незначительного времени, он будет проживать в другой, значительно более развитой экономической формации.

Кавказец же, напротив, был совсем не прочь поспорить.

— Нэт, дарагой! Ми кто с тобой? Малэнкие люды. Сэйчас балшые между сабой бьютса, о нас забылы. Патом, кагда всо рэшат, за нас вазмутса.

— Я думаю, вы не правы. Весь исторический

процесс развития России говорит нам об обратном...

Тони, уютно устроившись в кресле, прикрыл глаза и под монотонное стрекотание разговора, уснул.

Глава 13

Город Новороссийск, глубоко провинциальный, во время великих российских перемен был несколько забыт во всей этой суматохе, и в нем было тихо и спокойно, как в хорошем болоте. Местный народ это только радовало, поскольку отсутствие пристального внимания со стороны Центра, открывало неограниченные просторы для личной инициативы на местах. Южане потихоньку возили на судах, переделанных из научно-исследовательских в грузопассажирские, контрабанду из Турции. Делали каждый свой маленький бизнес и жили припеваючи.

Екатерина, охваченная пламенем погони за коварным мужем и стыренными им деньгами, прибыла на автовокзал города-героя в урочное время. Не обращая внимание на местные достопримечательности, которых, по правде сказать, и было-то не густо, она проследовала на Морской вокзал. Пассажирских «Комет», как и

предрекал рыжий мужик в Краснодаре, не было и в помине. На каботажной пристани, находящейся рядом, за вполне сносную цену, женщина договорилась с насквозь пропитым капитаном о поездке.

— Куда? В Сочи? Какой базар! Ласточка моя в пять часов доставит!

«Ласточка» производила гнетущее впечатление. Это был старый и ржавый рейдовый катер, судя по ветхости, когда-то ходивший под парусами и помнивший основателя города адмирала Лазарева. Но выбора не было — другие выходить в море вовсе не соглашались.

Морское путешествие Соскачеву пугало. Но еще больше ее пугало то, что наглый следователь или упрямый американец найдут ее мужа раньше нее.

— Заводи свою колымагу, любезный, времени мало, — сказала Екатерина Викторовна и с решительностью, свойственной женщинам в моменты поиска супругов и борьбы за дефицит, взошла на палубу.

Кэп прикрикнул на чумазого моториста, и тот нырнул в подвал машинного отделения.

Раздалось рокотание, потом хлопок, затем появился нарастающий гул. Из фальштрубы вырвалось облачко черного дыма. Колымага затряслась и ожила.

Капитан, которого, как и всех капитанов, звали Борисыч, преобразился. В глазах появился огонь, в членах — подвижность. Алкогольный угар ушел, уступив место романтическому ожиданию встречи с открытым морем. Кэп метался по мостику, выполняя одновременно множество необходимых морских дел. Екатерина ушла в небольшую каюту, устроилась на жестком сидении и задремала.

Борисыч сообщил диспетчеру липовую причину выхода в море и повел свое судно к выходу из Цемесской бухты.

За ночь, проведенную в пробке, из микроавтобуса сбежал станичник. Капитан Брыкин остался один, если не считать кур, которые из-за отсутствия еды и присутствия стрессов, стали постепеннодохнуть. К утру террористы смылись и с шоссе сняли оцепление. Следователь сел на руль и помчался к Сочи.

Вдоль дороги стелились луга, набравшиеся зеленого цвета до необычайной густоты. Пахло, почему-то, арбузами. За окном мелькали небольшие стада коров, развалившиеся колодцы и проржавевшие щиты с плакатами «Животноводству — кормовую базу!», «Решения 25-го съезда — в жизнь!». На нескольких плакатах отдельные буквы осыпались, и они приобрели загадочное звучание. «Неуклонный рост...» не имел продолжения, и

можно было только догадываться, что должно было неуклонно расти. На щите, расположенном на въезде в небольшое село, примостившееся в узкой долине, время и дождь внесли коррективы. Теперь девиз приобрел более прагматичное звучание — «Экономика должна быть...!»

Но вся эта морально устаревшая наглядная агитация мало волновала следователя Брыкина. Он смотрел только на дорогу и спидометр. Через час он был в Джубге.

Глава 14

В город Мурманск, северный и далекий, прибыл Дмитрий Шайкин. Дело было срочное и он, не отдохнув с дороги, тут же направился в справочное бюро. Там его подстерегала большая неожиданность — улицы Голавлева в городе не было!

Митя, боясь признаться самому себе в том, что здорово сплеховал, слегка заикаясь, спросил неухоженную работницу Бюро справки:

— Это точно?

— Точнее не бывает. Гоголя есть, Горького есть, Голубицкая даже есть. А вот Голавлева нет.

«Может быть, старый что-то напутал?»

— А на Гоголя как проехать?

— Садитесь на автобус номер четыре и в

сторону Дворца культуры едите. На пятой остановке выходите, а там спросите.

Трясаясь на неудобном автобусном сидении, Митя невнимательно рассматривал крупнейший город Заполярья и слегка постанывал от ненависти к глуховатому старику.

Выйдя на нужной остановке, он пошел по улице Гоголя к дому номер пять. Здесь случилась вторая неожиданность — в этом доме располагался детский сад «Ромашка» и, соответственно, квартиры с номером один тут не было.

Шайкину пришлось сильно растеряться. Но цель манила... Узнав у прохожих направление, он, огибая озера и пруды, которых в городе было множество, устремился на улицу Горького.

«Ну, старый, не больше двух часов проживешь, после того, как я в Москву вернусь!» — зло подумал Митя и почему-то погрозил кулаком недавно оттаявшему после зимней спячки остову «горбатого» «Запорожца».

Улицу Горького он нашел, нашел и дом за номером пять, который опять же не имел квартир. Это было областное управление культуры.

Митя взревел, как раненный боец. Мало что уже соображая, он метался в поисках своей последней надежды — улицы Голубицкой. Та находилась на краю города, построенного на вечной мерзлоте. Пока Шайкин до нее добрался, он

испугал пару десятков мурманчан своими дикими глазами и грозными криками в лицо: «Где эта гребаная Голубицкая?!»

Дом номер пять оказался жилым, что немного успокоило Дмитрия. Придав своему лицу, насколько это было возможно, спокойное выражение, он постучал в дверь квартиры номер один. Долго не открывали, и Митя стал от нетерпения бить ногами о пол, как лошадь на параде.

Неожиданно за дверью послышался шорох и неуверенный мужской голос спросил:

— Вам кого?

Митя, обрадовавшись тому, что хоть какая-то надежда замаячила, скоро ответил:

— К Соскачевым!

Потом, слегка поразмыслив, добавил:

— К племяннице ихней.

За дверью вновь послышалась возня, потом шлепанье тапок по полу, тихий разговор и затем громкий смех. Митя, не зная, что думать, снова постучался.

На этот раз голос из-за двери прозвучал вполне уверенно:

— Нет здесь таких! И никогда не было!

— Как?!

— Вот так! — ответил житель квартиры номер один и жизнерадостно засмеялся. Он боялся

преследования за невыплаченные алименты, а стучащийся к нему чужак был явно по другому делу.

— Откройте! Откройте немедленно! — колотился в дверь Митя.

Все мечты его рухнули. Не будет теперь ни денег, которые он намеревался отнять у Соскачева, ни тех благ, которые можно было бы на них приобрести.

Дверь распахнулась и здоровенный кулак с наколотым на пальцах именем «Витя», мощно соприкоснулся с челюстью Шайкина. Его отбросило к стене и сквозь наползающий на глаза туман, он увидел небритого амбала в синей майке и старых трико, который довольно скалил зубы.

Очнувшись, Митя выскочил на улицу. От злости и бессилия Шайкин взвыл. Он награждал московского пенсионера-филателиста такими сочными и размашистыми словами, что вряд ли возможно найти их хоть в каком-нибудь орфографическом словаре.

А поминаемый Шайкиным дед, непрерывно икая, с интересом наблюдал через иллюминатор за извилистой береговой линией Черного моря.

Глава 15

Количество членов экспедиционного корпуса